

НЕВЕРБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ В ИСТОРИИ КИНЕСИКИ

Г. Е. Крейдлин (gekr@iitp.ru)

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

В докладе анализируются некоторые телесные знаки и невербальные формы диалога на материале книг Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера» и «Эротические приключения Гулливера». Реконструируются жесты, наиболее распространенные в XVII и XVIII вв., а также представления Свифта об общественной морали, о социальной и личной жизни человека и о возможности использования в актах коммуникации естественного языка и языка тела в качестве «лингва франка».

Ключевые слова: кинесика, невербальный диалог, жесты, язык тела.

NONVERBAL DIALOG IN THE HISTORY OF KINESICS

G. E. Kreidlin (gekr@iitp.ru)

Russian State University for the Humanities, Moscow,
Russian Federation

The traditional distinction between synchronic and diachronic gesture studies, which has been the cornerstone of nonverbal semiotics and kinesics, is being partly erased if one regards the reflection of gestures in fiction. This paper analyses the descriptions of several somatic signs and nonverbal forms of dialog in the two books of J. Swift — "Gulliver's Travels" and "Gulliver's Erotic Adventures". It argues that these remarkable works of art implement both some of the most common 17th and 18th century gestures and Swift's philosophical and scientific ideas concerning public morals, social and personal activities, communication and notions of language and gestures as lingua franca. I mean to discuss nonverbal acts of that time, purposely performed or uncontrollably leaked, that enhance, improve or disguise verbal messages in the texts. Nonverbal behavior can replace, multiply, or complement language, and Swift's books demonstrate these primary functions of nonverbal sign units vividly and convincingly. In Swift's time the gestural, or body language, as opposed to the natural languages has been considered common, plain, comprehensible, pure, forthright, and therefore the most effective in human communication. Face-to-face dialogs of the

author's characters and their corporeal activity incorporate many nonverbal signs that most of his contemporaries regarded as universal. However, Swift mocks and even jeers sometimes at these prevalent viewpoints because he would not believe in the uniqueness and in the universality of the body language.

Key words: kinesics, nonverbal dialogue, gestures, body language.

I

История кинесики — науки о жестах, жестовых процессах и жестовых системах — область для изучения не менее интересная, чем её современное состояние¹. Ведь по жестам и жестовому поведению реконструируется отношение людей к внешней и внутренней жизни, к предметам и событиям, к телу и телесным характеристикам и еще очень многое другое. Раннему средневековью в Европе, например, было свойственно презрение к телу и стремление обуздать его различные проявления, усмирить, или, как говорили тогда, «смирить» тело. Позже, в XII–XIII веках, отношение к телу европейцев резко меняется: тело начинает рассматриваться ими как правильная и оптимальная оболочка для души, а телесная красота — как прямо соответствующая красоте человеческой души. В последующие исторические периоды внимание ученых и просто путешественников и бытописателей начинают постепенно привлекать не только телесные очертания и пропорции тела и его частей, но также знаковые движения и действия с телом и над телом.

Первые известные нам исследовательские работы, посвященные жестам (которые тут понимаются широко, а именно как лексические единицы языка тела разной природы²), появились в XVII веке. Эти работы были связаны с такими сферами человеческой деятельности, как риторика, медицина, психология, педагогика, искусство и физиогномика (физиогномика представляет собой учение о том, как отражаются в чертах, формах и выражениях лица человека его внутренние — психологические и ментальные — качества). Сюда же добавлю и некоторые другие важные в культурном и социальном отношении области, такие, как хирология (язык линий ладоней и бугорков рук), хирономия (мануальная риторика) и хиромантия (искусство гадания по руке). Все они составили предмет едва ли не самой первой книги, относящейся к кинесике. Я имею в виду руководство, написанное Дж. Балвером и вышедшее в свет в 1644 году³.

По Балверу именно язык рук является естественным языком, будучи подлинно природным образованием, в отличие от искусственного, придуманного,

¹ Данная работа выполнена в рамках исследовательского проекта «Тело и его части в разных языках и культурах: типологическое описание» (2010–2012 гг.), получившего поддержку Российского гуманитарного научного фонда (грант РГНФ 10-04-00125а).

² О языке жестов, или, иначе, языке тела (body language) — главным образом, о русском языке тела — см. подробно в книге Крейдлин 2002.

³ См. Bulwer 1974 / 1644.

языка слов, и уже по одному только этому язык рук заслуживает самого серьезного исследования. А человеком, с которого началось систематическое научное изучение другого рода телесных знаков — выражений лица и мимических жестов, — был Джон Каспер Лафатер, который в 1792 году опубликовал «Эссе по физиогномике». Он был первым из европейцев, кто провел подробные наблюдения и описал различные соотношения между выражениями лица и конфигурациями тела, с одной стороны, и типами внутренних, личностных свойств человека, с другой.

Если исследования Лафатера оказали огромное влияние на русскую культуру и науку, о чем мне уже доводилось как-то писать⁴, то труд Балвера в значительной степени повлиял на культурную и общественную жизнь тогдашней Западной Европы. Дж. Балвер выделил и описал большое число кодифицированных и понятных нам жестов и даже классов жестов — это молитвенные жесты, жесты мольбы, аплодисменты, некоторые экспрессивные жесты, жесты защиты и др. Но вместе с тем в его руководстве содержится и описание телесных знаков, крайне неопределённых по смыслу и форме. Вот, например, как представлен в нём диалогический жест, который, по словам Балвера, выражает намерение человека открыто высказать перед собеседником свой взгляд на некоторый вопрос или своё отношение к некоторому событию: «Пальцы руки сомкнуты, смотрят вниз, затем рука разворачивается ладонью вверх и раскрывается» (Bulwer 1974 / 1644: 171). Отмечу, впрочем, что жестовая составляющая «открытая и направленная вверх ладонь» входит в состав форм многих современных иллюстративных жестов, и не только русского языка тела⁵. Она обозначает открытие некой новой темы или начало высказывания мнения по какому-то вопросу, что вполне согласуется с описанием Балвера.

Мысли Балвера и Лафатера нашли отражение в целом ряде культурно значимых текстов разных эпох, прежде всего, в литературных текстах. И потому, казалось бы, проблемы представления в художественных произведениях невербальных аспектов устного диалога должны были сразу стать предметом пристального внимания и изучения. Однако жесты рук, ног и головы, выражения лица, касания и другие единицы языка тела лишь относительно недавно стали интересовать лингвистов, филологов, психологов и других гуманитариев. В чем же причина такого к ним отношения со стороны учёных?

Этому можно дать разные объяснения, вполне совместимые одно с другим. О некоторых я уже писал, а потому упомяну их здесь кратко просто для того, чтобы составила более полная картина.

Вернусь к истории кинесики. С XVIII века до середины XIX века проблема порождения и понимания жестовых и смешанных, жестово-речевых текстов начинает занимать многих. Среди них, однако, едва ли можно насчитать больше десятка известных нам лингвистов, литературоведов и психологов. Преобладали биологические (физиологические, медицинские) и философские идеи. Теоретические изыскания проводились преимущественно в трёх странах — Германии, Франции

⁴ См. Крейдлин 2008.

⁵ Об иллюстративных жестах и об их отличии от других семиотических типов жестов — эмблематических и регулятивных жестов — см., например, в книге Крейдлин 2002.

и (весьма незначительно) Англии. Психологи в то время осознанно пренебрегали жестами, по всей видимости, по той причине, что жесты казались слишком тесно связанными с намеренными действиями людей. Считалось, что жесты имели су-губо инструментальную, техническую природу, что мешало им участвовать в понимании интуитивного и иррационального моментов, особенно интересовавших психологов. Забыли о жестах и лингвисты, поскольку лингвисты думали о них тогда (да и сейчас часто тоже) как об исключительно индивидуальных выражениях, не поддающихся сколько-нибудь лингвистически интересным укрупнениям, группировкам и классификациям. Считалось, что очень трудно, если возможно вообще, объединить жесты в достаточно стройные системы типа фонологической или грамматической, которые главным образом занимали тогда лингвистов.

По мере появления новых способов аналитического изучения телесных знаков и осознания системного характера языков тела наблюдается постепенный переход от изучения индивидуального жестового выражения к анализу жестовой системы, и устный диалог начинает пониматься как область сложного взаимодействия естественного языка и невербальных знаковых кодов. Примерно со второй половины XIX века на жесты начинают смотреть как на знаки, способствующие проникновению в естественную историю, культуру, общественную жизнь, в области мышления, чувствования и понимания.

Тем не менее, изучение единиц и моделей невербального поведения и того, как оно управляет взаимодействием людей, не слишком увеличили интерес учёных к проблемам отражения телесных знаков в художественных текстах. Жесты, которые попадали в сферу внимания лингвистов, казались столь тесно связанными с языковыми и речевыми единицами, что отдельного интереса не вызывали: хорошо изучив язык и речь, можно узнать всё, что нужно, и о жестах — вот как примерно рассуждали тогда учёные. Не изменилась кардинально ситуация и тогда, когда к анализу языка тела приступили специалисты по семиотике — науке о знаках и знаковом поведении. Между тем, очевидно, что всякая символическая знаковая деятельность подлежит внимательному смысловому прочтению и разгадке. Так, много раз было показано, например, что жестикуляция может не только дополнять и усиливать речь, но и противоречить ей, а тогда человеку приходится выбирать, чему верить — речи или жестам.

Еще одна видимая причина почти полного пренебрежения в то время невербальными аспектами коммуникации — это существовавшая в европейской культуре мода на проблемы и темы, далекие от анализа устного диалога. Соотношение слов и называемых ими объектов, языковые средства выражения мыслей, механизмы и способы овладения языком детьми и иностранцами, взаимодействие языка, культуры и общества, многообразные проблемы, относящиеся к языкам мира, например, новое открытие или реконструкция языков, которые считались первоначальными или совершенными, создание искусственных языков, в частности, языков естественных наук, философских и логических языков, построение типологии языков, фонетические и грамматические вопросы, совершенствование владения иностранными языками в практическом (переводческом, дидактическом, редакторском, риторическом) плане — вот далеко не полный перечень вопросов, волновавших в то время европейских лингвистов.

Природный язык жестов (или язык тела, как его иногда называют) в те времена вслед за Балвером считали языком универсальным, избежавшим Вавилонского смещения языков. Считали, что он прост в использовании, нагляден и удобен в общении, что его все знают и понимают. А сложившееся разноязычие, согласно библейскому учению, было «наказание Божие, наложенное на людей с целью затруднить сношения их между собою, так как, в силу греховной склонности сердца человеческого, подобными сношениями люди по преимуществу пользуются ко злу» (цит. по «Хронос», статья «Вавилонское столпотворение»⁶). Между тем жесты, как тогда полагали, могли вполне успешно применяться для общения с людьми не только своей культуры, но других культур. Например, Блаженный Августин в своей «Исповеди» (VIII, 13) пишет: «Я схватывал памятью, когда взрослые называли какую-нибудь вещь и по этому слову оборачивались к ней; я видел это и запоминал: прозвучавшим словом называлась именно эта вещь. Что взрослые хотели ее назвать, это было видно по их жестам, **по этому естественному языку всех народов** (выделено мной — Г. К.), слагающемуся из выражения лица, подмигиванья, разных телодвижений и звуков, выражающих состояние души, которая просит, получает, отбрасывает, избегает».

Не удивительно, что единицы универсального языка жестов и отношение к нему общества можно попытаться реконструировать по художественным текстам разных стран и культур, относящимся к тому времени — особенно по тем, которые были тогда популярны. В частности, мы можем узнать («прочесть», но также «вычислить» или просто «догадаться»), какие употреблялись тогда жесты (какую имели форму, что значили и в каком контексте преимущественно использовались) и что думали люди вообще о языке тела, если обратиться замечательному литературному памятнику Европы XVII–XVIII веков, роману Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера»⁷.

Кроме того, в 2006 году в Санкт-Петербурге вышла в переводе с английского книга Дж. Свифта «Эротические приключения <в некоторых отдаленных частях света> Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей». Во вступительной статье, озаглавленной «От издательства», отмечается, что данная книга является переводом ранее не издававшейся подлинной рукописи Свифта 1727 года, представляющей собой главы и фрагменты эротического содержания, изъятые издателем «Путешествий Гулливера». Эта книга тоже содержит (прямо или косвенно) информацию о невербальном поведении людей, а потому выводы и соображения, которые мы далее делаем и приводим, опираются на материал обеих книг.

⁶ Вавилонское столпотворение // Хронос. Всемирная история в Интернете. http://www.hrono.ru/religia/spravka/vavilon_stolp.php.

⁷ Полное название книги таково: "Путешествия в некоторые удалённые страны мира в четырёх частях: сочинение Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а затем капитана нескольких кораблей" (Travels into Several Remote Nations of the World, in Four Parts. By Lemuel Gulliver, First a Surgeon, and then a Captain of several Ships). Первое, лондонское, издание книги вышло в 1726–1727 годах.

Эти взаимодополняющие произведения порождают разного рода реминисценции и аллюзии к другим текстам, прежде всего, к художественным произведениям, которые появились раньше и которые в сильной степени повлияли на отношение людей к языку тела. В качестве примера назову лишь одну книгу, а именно «Гаргантюа и Пантагрюэль» замечательного французского писателя XV века Франсуа Рабле, и многие произведения живописи мастеров прошлого, в которых жесты, позы, выражения лица и взгляды представлены в исключительно яркой, экспрессивной манере⁸.

Дальнейшую часть работы мы посвятим реконструкции и обсуждению отдельных существовавших тогда жестов и представлений людей о языке жестов. Такая реконструкция, как кажется, может в каких-то моментах не только дополнить историю кинесики, но и глубже понять отдельные места и идеи романа.

II

Жесты в книгах Свифта составляют существенный элемент текста, потому что они служат основным, естественным и эффективным средством общения главного героя с другими персонажами. Именно роман-путешествие, к жанру которого принадлежат обе книги, позволяет продемонстрировать универсальность языка жестов и некоторые его характеристики, как они тогда виделись людям. Попадание Гулливера сначала в страну маленьких человечков Лилипутию, затем в страну великанов Бробдингней, потом попадание в ещё одну вымышленную страну Бальнибари со столицей, летающим островом, Лапута и др. — все путешествия демонстрируют сравнительную лёгкость межкультурной коммуникации при помощи жестов. По сути дела эти знаки являются единственным способом общения Гулливера с экзотическими народами, которые не владеют «хоть кому-то понятными» естественными языками. Жесты же понятны всем его собеседникам. Ср.:

- (1) *Я не мог сдержать своего нетерпения и <...> несколько раз поднес палец ко рту, желая показать, что хочу есть. Гурго <...> отлично понял меня (Путешествия Гулливера, ч. 1);*
- (2) *О том, что это была именно особа, я, невзирая на её малые размеры, безошибочно догадался по походке: лилипутские женщины, как и наши, ходят, чуть покачивая бёдрами (Эротические приключения Гулливера, ч. 1);*
- (3) *Я протянул вперёд ладонь, положив её тыльной стороной на пол, приглашая тем самым даму ступить на неё (там же, ч. 1);*

⁸ См., например, великолепные живописные и скульптурные изображения, содержащиеся на страницах энциклопедического издания Пасквинелли Б. Жест и экспрессия. // М.: Омега, 2009.

- (4) *Я знаками дал понять, что они могут делать со мной всё, что им угодно (Путешествия Гулливера, ч. 2).*

Некоторые невербальные знаки, встречающиеся в романах, носят, однако, символический, а не иконический или инструментальный характер. Поэтому они сегодня кажутся нам и трудно воспроизводимыми и плохо понимаемыми. Тезис об универсальности и общепонятности жестов писатель фактически не только ставит под сомнение, но и иногда высмеивает его. Когда коммуникация Гулливера с лилипутами оказывается или может оказаться провальной, он прибегает к словам, как в случае (5), где он, видимо, использует слова «иностранный» лилипутского, языка:

- (5) *Я просил его величество быть спокойным на этот счет, заявив, что готов раздеться и вывернуть карманы в его присутствии. Все это я объяснил частью словами, частью знаками (Путешествия Гулливера, ч. 2).*

Впрочем, слова далеко не всегда помогают пониманию смысла сообщения.

Тем не менее, именно жесты позволяют Гулливеру общаться с другими. Не случайно Дж. Свифту — через Гулливера — удается на их основе или с их помощью сравнительно простым способом донести до читателя собственные философские и социальные воззрения. Так, он выразил в романах своё отношение к Академии, которую называет *Академией Прожектёров*, и её «научным» изысканиям в области механики и математики, обработки земли и астрономии, высмеял существовавшую тогда практическую медицину, ср. фрагменты (6) и (7) из «Путешествий Гулливера»:

- (6) *Я посетил также математическую школу, где учитель преподает по такому методу, какой едва ли возможно представить себе у нас в Европе. Каждая теорема с доказательством тщательно переписывается на тоненькой облатке чернилами, составленными из микстуры против головной боли. Ученик глотает облатку натощак и в течение трех следующих дней не ест ничего, кроме хлеба и воды. Когда облатка переваривается, микстура поднимается в его мозг, принося с собой туда же теорему <...>.*

- (7) *Я пожаловался <...> на легкие колики, и мой спутник привел меня в комнату знаменитого медика, особенно прославившегося лечением этой болезни путем двух противоположных операций, производимых одним и тем же инструментом. У него был большой раздувательный мех с длинным и тонким наконечником из слоновой кости. Доктор утверждал, что, вводя трубку на восемь дюймов в задний проход и втягивая ветры, он может привести кишки в такое состояние, что они станут похожими на высохший пузырь. Но если болезнь более упорна и жестока, доктор вводит трубку, когда мехи наполнены воздухом, и вгоняет этот воздух в тело больного; затем он вынимает трубку, чтобы вновь наполнить мехи, плотно закрывая на это время большим пальцем заднепроходное отверстие. Эту операцию*

он повторяет три или четыре раза, после чего введенный в желудок воздух быстро устремляется наружу, увлекая с собой все вредные вещества (как вода из насоса), и больной выздоравливает.

В своих книгах Свифт сатирически высмеивает самомнение и тщеславие людей. В стране Glubbubdríb 'Глаббдобдриб' Гулливер знакомится с чародеями, способными вызывать тени умерших, и беседует со специалистами по древней истории, обнаруживая, что, в сущности, всё было не так, как пишут в исторических сочинениях. Там же он узнает про struldbrugs 'струльдбругов' — людей, рожденных вроде бы нормальными, но фактически бессмертных. Бессмертие, однако, не приносит струльдбругам счастья, поскольку они обречены на бесконечную старость, страдания, и болезни, которые приходят к ним сразу после тридцати лет (в частности, в это время они теряют зрение и волосы).

Высказывает Свифт также оригинальные суждения о свободной и подлинной любви, человеческой преданности и предательстве, нравственности и морали и отношения к ним людей, ср.:

- (8) *Мне еще предстояло узнать, что нравы в Лилипутии довольно свободные, и хотя начальство и пытается насаждать нравственность<...>, население да и сама власть имущие таковой не следуют; одобряя мораль только на словах, они в реальной жизни действуют, соглашаясь более со своими подспудными и явными желаниями <.,.>* (Эротические приключения Гулливера), но для нас интереснее всего его отношение к языку как средству общения.

Писатель считал и устную, и письменную формы естественных языков весьма несовершенными. Большинство лилипутов у него говорят резкими и визгливыми (*shrill*) голосами, их разговоры большей частью весьма эмоциональные и ведутся на повышенных тонах, многие слова лилипутского языка и языков других стран, в которых побывал Гулливер, содержат трудно произносимые сочетания звуков. Ср., например, английские имена *Brobdingnagians* (название страны), *ihnuwnh* (слово языка гуигнгнмов, а вот к нему авторский комментарий: *the word is strongly expressive in their language, but not easily rendered into English; it signifies 'to retire to his first mother'* (англ. версия Путешествий Гулливера, кн. 4, с. 176), *gnnqyh* 'хищная птица', *Ноуyhnhnms* 'гуигнгнмы'. Фонетика слов их языка «очень неприятная» — в словах много назальных и задненёбных согласных: *In speaking they pronounce through the Nose and Throat* (там же, с. 219). Ср. также русские соответствия английским именам *Лаггнегг*, *Глаббдобдриб*, *Глюмдальклич* или такие фразы, как (9):

- (9) *Она дала мне имя Грильдриг, которое утвердилось за мной сперва в семье, а потом и во всем королевстве. Это слово означает то же, что латинское «hotunculus», итальянское «hotuncelino» и английское «mannikin».*

А вот еще одна показательная цитата из «Путешествий Гулливера» (гл. V):

- (10) <...> Мы пошли в школу языкознания, где заседали три профессора на совещании, посвященном вопросам усовершенствования родного языка. Обсуждались разные проекты. Первый проект предлагал сократить разговорную речь путем сведения многосложных слов к односложным и упразднения глаголов и причастий, так как в действительности все мыслимые вещи суть только имена. Второй проект требовал полного упразднения всех слов; автор этого проекта ссылался главным образом на его пользу для здоровья и сбережение времени. Ведь очевидно, что каждое произносимое нами слово сопряжено с некоторым изнашиванием легких и, следовательно, приводит к сокращению нашей жизни. А так как слова суть только названия вещей (эта мысль была доминирующей во времена Свифта — Г. К.), то автор проекта высказывает предположение, что для нас будет гораздо удобнее носить при себе вещи, необходимые для выражения наших мыслей и желаний. <...> Многие весьма ученые и мудрые люди пользуются этим новым способом выражения своих мыслей при помощи вещей. Единственным его неудобством является то обстоятельство, что <...> собеседникам приходится таскать на плечах большие узлы с вещами, если средства не позволяют нанять для этого одного или двух дюжих парней. Мне часто случалось видеть двух таких мудрецов, изнемогавших под тяжестью ноши, подобно нашим торговцам вразнос. При встрече на улице они снимали с плеч мешки, открывали их и, достав оттуда необходимые вещи, вели таким образом беседу в продолжение часа; затем складывали свою утварь, помогали другу другу взваливать груз на плечи, прощались и расходились.

Мудрецы, над которыми издевается Свифт, желающие разговаривать с другими людьми, вынуждены взваливать на плечи и повсюду таскать с собой тяжёлые мешки, что, по его мнению, и есть «достоинство» языка.

Естественные языки подверглись критике Свифта также и совершенно в другой связи. Они, по мнению Свифта, меняются столь неупорядоченно, незаконмерно и настолько быстро, что даже если вы отсутствуете в родной стране и не имеете возможности говорить на родном вам языке всего лишь 16 лет, то по возвращению домой не сможете разговаривать с соотечественниками. Такую мысль Свифт высказывает в письме к своему родственнику Ричарду Симпсону на самых первых страницах романа. Язык не может, таким образом, служить надёжным и удобным средством общения.

Письменные формы языков тоже не следуют строгим нормам и не придерживаются орфографических традиций и принятых когда-то моделей. Лилипуты, например, вместо того, чтобы писать слева направо, справа налево или вверх и вниз, пишут наискось от одного угла страницы до другого, и в этом Свифт видит «их единственное сходство с порочной практикой английских леди».

Наконец, естественный язык не может воспрепятствовать человеческой лжи, обману, политической интриге и дипломатической игре. Он не эффективен и не обладает нужной образностью для передачи идей. Язык жестов,

напротив, непосредственен, понятен и легко дешифруется. Когда в книге 1 «Путешествий Гулливера» герой дважды не сумел понять, какую информацию лилипуты передали ему жестами, весьма напоминающими по форме жест из руководства Дж. Балвера, который я приводил выше, Свифт объясняет, что это произошло скорее из-за недостаточной сметливости Гулливера или плохого знания им языка жестов, чем из-за национальных или культурных границ, — ведь во всех странах люди пользуются тем же языком жестов, что и Гулливер. И этот язык в хорошем смысле консервативный и устойчивый; смысл и форма телесных знаков не меняются так быстро, как у языковых знаков.

Однако, чтобы быть в стране и общаться с народом, необходимо знать не только знаки и способы их комбинирования, нужно знать нормы общения, модели коммуникативного поведения, обычаи и любимые стереотипные жестовые формы. Например, надо знать, что в Лилипутии существуют невербальные ритуалы, такие как ритуал вызова соперника на дуэль, когда оскорблённый должен явиться к оскорбителю и притоптыванием и испусканием ветров известить его о желании драться, знать, что идеи непонимания и недоумения в проблемных ситуациях могут передаваться трясущейся головой или что в целом ряде эмоционально насыщенных ситуаций общения лилипуты «жестикулируют больше лицом, чем руками».

Подведём итог.

Из обеих книг мы узнаём, что основные жесты и классы жестов прошлого в Англии того времени были хорошо известны. Это поклоны, рукопожатия, поцелуи, например, в щёку или поцелуй кончиков пальцев, прикладывание руки к груди в качестве жеста клятвы и благодарности, поднятие головы и закатывание глаз как выражение размышления, жест «перст указующий», поднятие вверх рук и глаз в знак восхищения. Речь при этом как бы не обязательна: лилипуты переходят на исключительно речь, как правило, желая скрыть от собеседника или от наблюдателя информацию, а не сообщить ему что-то.

Проведенная реконструкция, таким образом, показывает, что во времена, когда жил и работал Дж. Свифт, отношение к жестам и их роли в устной коммуникации было прямо противоположным тому, которое повсеместно принято сегодня, а именно жесты играли тогда доминирующую, а не подчинённую роль.

References

1. *Bulwer J.* 1974/1644. *Chirologia: Or the Natural Language of the Hand and Chiromnia: Or the Art of Manual Rhetoric.*
2. *Kreidlin G. E.* 2002. *Non-verbal Semiotics: Body Language and Natural Language [Neverbal'naia Semiotika: Iazyk Tela I Estestvennyi Iazyk].*
3. *Kreidlin G. E.* 2008. *The History of Kinesics and the Problems of the Description of one Gesture.*

4. *Paskvinelli B.* 2009. Gesture and Expression [Zhest I Ekspressiia].
5. *Semantic Class* [Istoriia Kinesiki I Problemy Opisaniiia Odnogo Semanticheskogo Klassa Zhestov]. *Lingvistika dla Vsekh. Letnie Lingvisticheskie Shkoly 2005 I 2006* : 100–117, available at: http://llsh.ru/books/llsh0506/llsch_2005_2006.pdf#section.1.10).
6. *Swift J.* 1987. *Gulliver's Travels*.
7. *Swift J.* 2006. *Erotic Travels <into Several Remote Nations of the World, in Four Parts>*, by Lemuel Gulliver, first a surgeon, and then a captain of several ships.